

О. М. Соколова

Величие подвига: сакрализация памяти о Великой Отечественной войне

Рассматривается проблема возведения монументов, посвященных памяти о Второй мировой войне, как одна из общественных коммеморативных практик, вводящих образы Великой Победы и задающих ценностные ориентиры социуму. Делается вывод о значимой социальной роли монументальной скульптуры в развитии культуры.

Интегративная функция культуры ярче всего проявляется в общем мемориальном знаково-символическом пространстве. Иеротопическое творчество¹, создание особых мест памяти, которое воплощается в формах сакрально-мемориального зодчества, монументального искусства, способствует сплочению, единению людей. В каждом сакральном пространстве «можно выявить архетипический пласт, который является общим для всех традиций. Например, архетип Святой Горы, неизменно присутствующий в самых разных культурах» [13, с. 27].

В представлении Э. Дюркгейма коллективная память – «социально структурированное пространство прошлого, наполненное коллективными воспоминаниями, носящими внеиндивидуальный сакральный характер» [3, с. 162].

Сакрализация (от лат. *sacro* – *освящать, объявлять священным*) – наделение священным содержанием, наполнение новым смыслом объектов, событий, воспоминаний. В рамках статьи под сакрализацией понимается символизация материальных объектов, а понятие «сакральный» рассматривается как достойный поклонения, почитания, освященный традицией, личной памятью о значимом человеке, явлении, событии. Согласно Э. Дюркгейму, идея священного выражает коллективистскую сущность бытия человека в отличие от индивидуальной (эгоистической) [17]. По мнению ученого, «общество может существовать, только порождая у своих членов чувство священного <...> при помощи периодически повторяющихся специальных ритуалов, воссоздающих совместное сакральное прошлое» [3, с. 151].

Образы прошлого – устойчивые абстрактно-символьные модели исторической реальности, сложившиеся в массовом сознании. Эмоционально наиболее значимый образ общей памяти, превратившийся в сакральный архетип, – подвиг в Великой Отечественной войне.

¹ Иеротопия – греч. «иерос» (священный), «топос» (место, пространство) – особый вид творческой деятельности по созданию сакральных пространств и предмет историко-культурных исследований [13, с. 11, 26–28].

Цель статьи – обосновать социальную роль монументальной скульптуры, посвященной Победе, в аспекте традиций и актуальных задач отечественной мемориальной политики.

Исследованием культуры коммеморации (увековечения), визуализации памяти, в основе которой лежит и социокультурная деятельность по созданию памятников и памятных мест, занимались А. Г. Васильев, Т. В. Габрусь, С. А. Еремеева, А. В. Святославский [3; 5; 8; 18]. Коммеморативные практики по генерированию контрпамятников, антимонументов изучали О. В. Головашина, А. В. Ефимова, А. О. Котломанов [6; 9; 11]. Празднование Дня Победы – тема статей Дж. Брауна, М. Габовича, О. Романовой [2; 4; 14]. Увековечение памяти о Второй мировой войне в городской топонимике – названиях улиц Минска, Киева и Вильнюса – анализировали А. Ластовский, А. Казакевич, Р. Балочкайте [12]. О политике памяти в пространстве Минска пишет А. Браточкин [1], Вильнюса – Р. Чепайтене [21]. Проблеме памяти о Второй мировой войне в Беларуси посвящены исследования Т. П. Савчук, А. Ф. Смоленчука [16; 19].

Визуализация памяти проявляется в создании общественных монументов: «Пространство памяти и физическое пространство пересекаются между собой: память визуализируется, а пространство, прежде аморфное и безымянное семантизируется <...> город получает новый смысл после появления памятников, свидетельств общей памяти, связанных с данным местом» [8, с. 906].

Обращаясь к истории создания монументов, следует отметить, что монументальная пропаганда была известна в Древнем Египте, Древней Греции и Риме и оказала влияние на последующие эпохи. В форме египетских обелисков выполнены многие памятники, символизирующие победу, – памятник героям Отечественной войны 1812 г. в Витебске (1912); монумент Победы в Минске (1954, рис. 8–10); обелиск Славы в центре мемориального комплекса героям битвы за Днепр в Лоеве (1966, рис. 11) и др. По подобию триумфальной римской колонны Траяна (113 г. н. э.) создана Вандомская колонна («колонна Побед») в Париже (1810), в память одержанных Наполеоном I побед. Знаменитая Александровская колонна в Санкт-Петербурге (1834) установлена в память о победе Александра I над Наполеоном.

Сакрализуется гигантская фигура, определяющая ценность пространства. Со времен Античности широко используемой формой скульптуры являлась конная статуя. Например, знаменитый Медный всадник – памятник Петру I в Санкт-Петербурге (1782) или конный памятник королю-солнцу Людовику XIV (1822) в Париже на площади Побед, который был установлен на месте первой статуи короля (1687), разрушенной во время Французской революции в 1792 г. Сакрализация событий Французской революции воплощена в Пантеоне выдающихся французов в скульптурной композиции «Республиканский алтарь» (1913).

В России традиция увековечения в памятниках сложилась к середине XIX в., когда в городах стали формироваться площади. В книге «Памятники и монументы, сооруженные в ознаменование достопамятнейших русских событий и в честь замечательных лиц» А. Долгова (СПб., 1860) отмечается, что памятники возводятся «также на местах одержанных побед над неприятелем...» [цит. по: 8, с. 909]. Так, по проекту Николая I (1835) предполагалось создание комплекса памятников – 16 типовых чугунных монументов на местах боев, в воспоминание Отечественной войны 1812 г. В Полоцке (1850) и Клястицах² (1857) была установлена наподобие часовни (в византийском стиле) восьмигранная остроконечная пирамида, увенчанная куполом в виде луковицы с позолоченным крестом, вокруг которой стояли восемь чугунных колонн с главками, на которых восседали золоченые двуглавые орлы [20]³.

Смена культурной парадигмы в советский период способствовала смещению ценностного вектора мемориальных практик: разрушение священного пространства храмов, уничтожение памятников прошлого замещалось сакрализацией новых мест памяти об Октябрьской революции и Великой Отечественной войне.

Наиболее яркий и впечатляющий образец мемориала, который до сих пор остается узнаваемым и понятным для широкой аудитории, был предложен советским искусством.

Традиционные монументы, выполненные в эстетике соцреализма, образно и аллегорически передающие идеи исторической и общественной значимости, до сих пор находят отклик, апеллируя к категориям сопричастности, эмпатии. Такие монументы и мемориалы, посвященные подвигу белорусского народа, как «Мужество» (главный монумент мемориального комплекса «Брестская крепость-герой»), «Непокоренный человек» (центральная скульптура мемориального комплекса «Хатынь»), Курган Славы, «Родина-мать» (рис. 1) у стелы «Минск – город-герой», обелиск Победы (основа ансамбля площади Победы в Минске), – узнаваемые символы величия, стойкости человеческого духа, сплоченности и нравственных скреп белорусского общества.

Созданные советскими и постсоветскими скульпторами образы интерпретируют архетипы традиционной культуры. Курган в системе религиозно-мифологических представлений тождествен архетипу Святой Горы. В образе Родины-матери воплощается архетип матери: скульптура женщины с высоко поднятыми фанфарами – символ Победы и Славы (г. Минск, 1985); «Родина-мать зовет!» с занесенным

² Клястицы – ныне агрогородок в Россонском районе Витебской области.

³ В 1930-е гг. памятники были разрушены. В 1992 г. в Клястицах установили монумент в память двух войн 1812 г. и 1941–1945 гг.

В Полоцке в 1932 г. на месте монумента был установлен памятник Ленину. В 2010 г. памятник героям войны 1812 г. восстановлен по архивным данным и фотографиям.

над головой мечом (г. Волгоград, Мамаев курган, 1967, рис. 2); «Родина-мать» с мечом и щитом (г. Киев, 1981); Мать-патриотка (г. Жодино, 1975, рис. 4; пос. Алексеевка Самарской обл., 1995, рис. 3) и Скорбящая мать (г. Задонск, 2005, рис. 5), отдавшие Родине жизнь сыновей.

Изучая практики коммеморации Победы во Второй мировой войне, О. В. Головашина отмечает победу реалистичного, величественного и монументального образа сильного, несломленного народа-миротворца над нетрадиционными образами [6]. Исследователь приводит в пример возведение в 2015 г. стелы «Скорбящая мать» в г. Рассказово (Тамбовская обл.). «Авангардное» воплощение образа вызвало возмущение горожан, которые посчитали авторское видение кощунственным надругательством над Победой, приводили как образцы привычные советские монументы, например, скульптуру «Развітанне» (скульпт. А. Шатерник, 2014, рис. 6) у входа в музей Великой Отечественной войны в Минске. В результате стела в Рассказово была демонтирована [Там же].

Архетип воина/героя, внушающего гордость, отражен в памятниках «Воин-освободитель» в Берлине (1949), советскому солдату-освободителю в Пловдиве – «Алеша» (1954). Среди наиболее узнаваемых белорусских монументов – скульптурное воплощение воина в Брестской крепости (1971).

Общественный резонанс вызвал в 2014 г. конфликт с американской компанией CNN, опубликовавшей список самых уродливых памятников мира, среди которых была названа скульптура «Мужество», входящая в мемориальный комплекс Брестской крепости. Это вызвало волну патриотизма. Пользователи Интернета с негодованием восприняли подобную информацию. Признаваясь в любви к Беларуси, они писали о незыблемости исторической памяти о подвиге, гордости за страну и ее героическое прошлое. Компания извинилась и удалила список.

В рейтинге памятников Великой Отечественной войны, которые стали частью мировой культуры, опубликованном на одном из российских сайтов в 2015 г., мемориальный комплекс «Брестская крепость» назван как один из самых известных в мире памятников [10].

Проблема переосмысления монументального искусства в современном культурном пространстве, рассматриваемая в публикациях последних лет, связана с репрезентацией нефигуративных контрпамятников и антимонументов, характерной для Европы и США [9; 11]. Обратим внимание на памятник расстрелянным в 1941 г. польским профессорам, установленный в 2011 г. во Львове (рис. 12). Монумент представляет собой арку из десяти кубов с римскими цифрами, символизирующими десять заповедей Божьих. Один из кубов с цифрой V («Не убей») сдвинут, что создает впечатление неустойчивости конструкции, готовой вот-вот рухнуть. Известный антимонумент установлен в Гамбурге в 1980-е гг. Он был выполнен в виде 12-метровой четырехгранной стальной колон-

ны, уходящей постепенно под землю по мере нанесения на нее подписей: люди как бы подписали коллективное письмо в знак противодействия фашизму [11, с. 47]. Сейчас от памятника осталось только небольшое возвышение. Необычный мемориал «Аризона» возведен в Перл-Харборе (остров Оаху, где находится крупнейшая военно-морская база США) в 1962 г. над затонувшим корпусом линкора на месте его гибели в 1941 г.

К актуальным коммеморативным практикам можно отнести и памятник подвигу женщин во Второй мировой войне, открытый в 2005 г. в Лондоне (рис. 7). Монуменг выполнен в виде объемной черной каменной плиты, на которой «висят» семнадцать комплектов одежды: рабочая спецодежда, халат медсестры, военная форма и т. п. Памятник открывала Елизавета II, которая в 1945 г. служила в женском вспомогательном отряде британской армии и прошла подготовку как механик-водитель санитарного автомобиля, получив воинское звание лейтенанта.

В пространстве постсоветских стран доминируют традиционные монументы, хотя встречаются и новые художественные интерпретации. К таким объектам, на наш взгляд, можно отнести памятный монумент, посвященный жертвам нацизма в гетто, «Разбитый очаг» (архит. Л. Левин, скульпт. М. Петруль, 2008, рис. 13) на месте бывшего еврейского кладбища на улице Сухой в Минске. Венский стул и расколотый круглый стол с подломленными ножками из бронзы установлены на постаменте из красного гранита, символизирующем фундамент. Это создает образ разрушенного дома, в котором когда-то счастливо жила семья.

В современный период прослеживается тенденция сакрализации памяти о войне в такой художественной форме, как храм-памятник, например, Храм в честь Всех Святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших (Минск, 2010, рис. 14).

Обращение к памяти о подвиге в Великой Отечественной войне поддерживается не только на государственном уровне, проявляясь в организации праздников и создании новых мест памяти. Изучая процессы мемориализации в современной культуре, Г. Е. Гун отмечает активный интерес социума к советскому прошлому, «которое считается <...> как время великих достижений» [7, с. 49]. Одним из свидетельств формирования исторического общественного сознания, по мнению исследователя, является акция «Бессмертный полк» – международное общественное гражданско-патриотическое движение по сохранению памяти о поколении Великой Отечественной войны, охватывающее более 80 государств. Беларусь участвует в акции с 2012 г. В День Победы (с 2016 г.) проводится институционально закрепленная республиканская акция «Беларусь помнит», но в крупных городах страны проходят и шествия «Бессмертного полка».

Как подчеркивает А. Г. Васильев, «один из важнейших (и далеко не в полной мере усвоенных) уроков Дюркгейма для современных теоре-

тиков и практиков политики памяти заключается в том, что с образами коллективной памяти следует обращаться не как с научными концепциями и точками зрения, подлежащими дискуссии. Это “священные вещи”, абсолютная истинность и значимость которых установлена для данного сообщества раз и навсегда и не может обсуждаться <...> “священные вещи” можно видеть по-разному», набор этих вещей «у другого может выглядеть иначе, чем у тебя, и следует раскрыть основания того, как, исходя из какой картины мира, можно видеть их так или иначе. Тем самым становится возможным перестать считать иное видение “кошунством”, “святотатством”, “фальсификацией” и принять его возможность наряду со своим собственным» [3, с. 162].

В России сегодня существует более 20 тысяч памятников героям Великой Отечественной войны, около 4 тысяч находятся в Европе [6]. В Беларуси в 1941–1990 гг. возведено 8808 памятников и воинских захоронений [15, с. 14], в то же время в Государственный список историко-культурных ценностей включены лишь 1102 из них [Там же, с. 15].

Памятники как выразители общего прошлого играют ведущую роль в формировании и поддержании веры в идею, исторической преемственности, идентичности, солидарности, единства и стабильности социума. Создание памятников и памятных мест стимулирует развитие культуры, способствует передаче и усвоению аксиологического знания, системы смысловых представлений.

Для культуры постсоветского пространства значимым и вызывающим отклик остается монументальное искусство, передающее мощь и величие Великой Победы, неразрывно связанное с сакрализацией общей героической памяти.

1. *Браточкин, А.* Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей» / А. Браточкин // *Історія, памяць, палітыка* : сб. наук. ст. / упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. – Київ, 2016. – С. 9–52.

2. *Браун, Дж.* Перформативная память: празднование Дня Победы в Севастополе [Электронный ресурс] / Дж. Браун ; пер. с англ. В. Макарова // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. – 2015. – № 3 (101). – С. 150–165. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/12b>. – Дата доступа: 17.03.2019.

3. *Васильев, А.* Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма / А. Васильев // *Социологическое обозрение*. – 2014. – Т. 13. – № 2. – С. 141–168.

4. *Габович, М.* Памятник и праздник: этнография Дня Победы [Электронный ресурс] / М. Габович // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. – 2015. – № 3 (101). – С. 93–111. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/9g.html>. – Дата доступа: 17.03.2019.

5. *Габрусь, Т. В.* Традиции и современные тенденции сакрализации общественной памяти в монументальном искусстве и архитектуре Беларуси / Т. В. Габрусь // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Ф. Строительство. Прикладные науки*. – 2016. – № 8. – С. 2–11.

6. *Головашина, О. В.* Победа образа: идентификационные риски коммеморативных практик [Электронный ресурс] / О. В. Головашина // *Studia Humanitatis*. – 2017. – № 1. – Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/golovashina-ov-pobeda-obraza-identifikacionnye-riski-kommemorativnyh-praktik>. – Дата доступа: 17.03.2019.

7. Гун, Г. Е. Процессы мемориализации в современной культуре / Г. Е. Гун // Вестн. культуры и искусств. – 2018. – № 2 (54). – С. 46–52.

8. Еремеева, С. А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века / С. А. Еремеева // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2010. – С. 885–927. – (Образы истории).

9. Ефимова, А. В. Современные художественные практики в пространстве города как средство актуализации коллективной культурной памяти / А. В. Ефимова // Культура/Culture. – 2014. – № 6. – С. 107–117.

10. 10 монументов Второй Мировой: памятники Великой войны, которые стали частью мировой культуры [Электронный ресурс] // Sostav. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/pamyatniki-vtoroj-mirovoj-16442.html>. – Дата доступа: 17.03.2019.

11. Котломанов, А. О. Антифашистские мемориалы Западной Германии 1980-х годов: к проблематике антимонумента в современной скульптуре / А. О. Котломанов // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 15. Вып. 3. – 2011. – С. 44–49.

12. Ластоўскі, А. Памяць пра Другую сусветную вайну ў гарадскім ландшафце Усходняй Еўропы / А. Ластоўскі, А. Казакевіч, Р. Балачкайце // Arche. – 2010. – С. 251–300.

13. Лидов, А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования / А. М. Лидов // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / А. М. Лидов. – М., 2009. – С. 11–37.

14. Романова, О. Символ, «работа с памятью», медиасобытие: военный парад к 60-летию Победы в Беларуси и России / О. Романова // Белорусский формат: невидимая реальность : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Р. Усманова. – Вильнюс, 2008. – С. 358–367.

15. Савчук, Т. П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. П. Савчук; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2013. – 21 с.

16. Савчук, Т. П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси : моногр. / Т. П. Савчук; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – 168 с.

17. Сакрализация // Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М., 1983. – С. 589–590.

18. Святославский, А. В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / А. В. Святославский. – М., 2011. – 506 с.

19. Смоленчук, А. Память на Пограничье (на примере памяти о Второй мировой войне) / А. Смоленчук // Белорусы: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. – Вильнюс, 2011. – С. 159–206.

20. Хмельницкая, Л. Монумент в память о войне 1812 г. в Клястицах [Электронный ресурс] / Л. Хмельницкая // Planeta Belarus. – Режим доступа: <https://planetabelarus.by/sights/monument-v-pamyat-o-voyne-1812-goda-v-klyastitsakh>. – Дата доступа: 17.03.2019.

21. Чепайтене, Р. Город как миф: литовская столица в свете культуры воспоминания / Р. Чепайтене // Історія, пам'ять, політика : зб. наук. ст. / упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. – Київ, 2016. – С. 243–276.

O. Sokolova

The greatness of the feat: sacralization of memory about the Great Patriotic War

The problem of the monuments' construction dedicated to the memory about the Second World War as one of the public commemorative practices introducing images of the Great Victory and setting value reference points to the society is considered. The conclusion about the significant social role of monumental sculpture in the development of culture is made.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 18.03.2019.